

ТЕРРИТОРИЯ КОМПРОМИССА

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

Надежда Чародейская

Территория компромисса

<https://litres.ru/74073486>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они ненавидят друг друга с первой секунды. Алиса Соболева — гениальный дизайнер, которая верит, что красота спасет мир. Макс Воронов — циничный венчурный капиталист, для которого существуют только цифры. Их столкновение на конкурсе стартапов заканчивается ничьей, и организаторы принимают соломоново решение: они должны объединить свои проекты и работать вместе. В одном пентхаусе. Полгода. Без права на провал.

Между ними — война. Споры о шрифтах, битва за розетки, ненависть, которая с каждым днём становится всё более опасной. Но за стенами пентхауса их ждёт большой мир — инвесторы, конкуренты и прошлое, которое не отпускает. Они не знают, что их общий враг уже плетёт сеть. И что самая большая опасность — не потерять проект, а потерять друг друга.

Это история о том, как любовь рождается из ненависти, как страх разрушает самое дорогое и как прощение становится единственным спасением. О том, что идеальный баланс — это не компромисс, а выбор быть вместе, несмотря ни на что.

Надежда Чародейская

Территория компромисса

Глава 1. Идеальный пиксель

48 часов до катастрофы

Алиса Соболева ненавидела слово «вайб».

Она сидела в пятом ряду огромного зала «Империя Экспо», слушала, как очередной стартапер в клетчатой рубашке бодро вещает про «вайб нашего сообщества», и чувствовала, как её левый глаз начинает подергиваться. Это был фирменный знак профессионального выгорания — тик, который появлялся каждый раз, когда кто-то путал дизайн с оформлением открыток в Canva.

Рядом с ней, приглушенно жужжа, работал ноутбук. На экране был открыт её собственный проект — интерфейс для фитнес-приложения с элементами геймификации. Она прятала тени под иконкой «бег». Всего два пикселя вниз, чтобы создать иллюзию объема. Она знала, что никто из этих тридцати человек в жюри этого не заметит. Но она знала. И этого было достаточно.

— Алис, ты вообще слушаешь? — толкнул её в бок локтем Лёша, её напарник по команде, который отвечал за бизнес-стратегию. Он был взвинчен до предела, галстук съехал набок, а на лбу выступила испарина. — Это же наш конкурент! «Беговые крысы»! Если их пустят в финал, нам конец.

Алиса оторвала взгляд от пикселей и посмотрела на сцену. Парень в клетчатой рубашке как раз демонстрировал их главную «фишку» — анимированного хомяка, который бежал в колесе параллельно с бегущим пользователем. Хомяк был нарисован отвратительно: непропорциональные лапы, слишком яркий градиент.

— Они не пройдут, — спокойно сказала Алиса. — У них кривые тени на аватарах. И хомяк выглядит как инсультный тамагочи.

— Алиса! — Лёша закатил глаза. — Инвесторы смотрят на цифры, а не на тени!

— Вот поэтому ты занимаешься цифрами, а я — тенями, — отрезала она, закрывая ноутбук. — Если у тебя нет визуальной эстетики, у тебя нет доверия. Люди покупают глазами. Это база.

Лёша что-то буркнул про «креативную слепоту», но за-

молчал. Он знал: когда Алиса переходит на спокойный, ледяной тон, спорить бесполезно. Она не кричала никогда. Она просто отключала эмоции и становилась роботом-перфекционистом, который видит мир в сетке из 12 колонок.

На сцену тем временем вышел ведущий — лощеный мужчина с микрофоном, который вещал с той слащавой интонацией, от которой у Алисы сводило скулы.

— А теперь, дамы и господа, тот момент, которого мы все ждали! Инвестиционный комитет готов объявить шорт-лист финалистов «ТехноПрорыва-2026»! И, барабанная дробь, у нас есть сюрприз! В этом году мы решили добавить перчинки! Судить финалистов будут два титана индустрии, которые никогда раньше не работали вместе!

Алиса почувствовала, как её желудок скручивает в тугий узел. Она знала, что она в жюри. Но она думала, что будет просто «одним из». Она не любила быть в центре внимания. Она любила быть за кадром, там, где можно безопасно править пиксели и ни с кем не спорить.

— Слева от меня — настоящая икона продаж, человек, который умеет делать деньги из воздуха, партнер фонда «Vortex Capital», Максим Воронов!

Зал взорвался вежливыми аплодисментами.

Алиса повернула голову налево, туда, где за отдельным столом, освещенным софитами, сидел мужчина. Она видела его фотографии в деловых журналах, но вживую он производил совсем другое впечатление.

Во-первых, он был крупнее, чем казался на фото. Широкие плечи, идеально обтянутые темно-синей тканью пиджака, который сидел так, будто егошили на заказ вчера вечером. Во-вторых, он не улыбался. Он просто смотрел в зал, чуть прищурившись, и от этого взгляда по спине Алисы пробежал холодок. У него были глаза цвета утреннего тумана — серые, с металлическим отливом. И губы, которые кривились в легкой усмешке, будто он уже знал, как разобьет сердце каждому в этом зале.

Макс Воронов поднялся, поправил запонки (серебряные, с гравировкой) и коротко кивнул в зал.

— Спасибо, — сказал он. Одно слово. Голос низкий, как басовая струна. И в этом слове было столько наглой самоуверенности, что Алиса непроизвольно сжала ручку своего планшета.

— А справа от меня! — ведущий повысил голос до фаль-

цета. — Тот, кто стоит за дизайном ваших любимых приложений, гениальный визионер, который в 25 лет получил премию «Красная строка», Алиса Соболева!

Зал заплодировал громче. Алиса встала. Она была в своем любимом белом oversize-пиджаке, из-под которого торчала футболка с принтом знака бесконечности. Она знала, что выглядит как «свой парень» в мире стартапов — без пафоса, без дорогих часов, с пучком небрежно собранных на затылке темных волос.

Их взгляды встретились через весь зал.

Макс смотрел на неё с выражением легкого любопытства, как смотрят на диковинную зверушку в зоопарке, которая неожиданно встала на задние лапы. Он окинул её взглядом — от выдавших виды кед до небрежной прически. Алиса увидела это. Она прочитала в его глазах целую речь: «И это гениальный визионер? Выглядит как курьер, который потерялся по пути в офис».

Она медленно села. Внутри неё закипала глухая, белая ярость, которую она обычно испытывала только при виде шрифта Times New Roman в мобильных приложениях.

— Он что, меня оценивает? — прошипела она Лёше, не

разжимая зубов. — Я здесь как член жюри, а не как участница конкурса талантов!

— Алиса, успокойся, он просто смотрит, — попытался утихомирить её Лёша.

— Он оценивает, — поправила она. — Я знаю этот взгляд. Это взгляд человека, который считает, что дизайн — это «девчачьи штучки». Он сейчас встанет и скажет, что важнее конверсия, а не отступы.

— Так он венчурный капиталист, для него конверсия — это и есть...

— Я знаю, кто он, Лёша. — Алиса резко повернулась к ноутбуку и открыла файл с презентацией. — Поэтому я выиграю этот чертов конкурс. Просто чтобы посмотреть на его лицо, когда его любимые цифры не сработают без моих кнопок.

Час спустя они сидели за круглым столом переговорной. Жюри состояло из десяти человек, но главный спор разгорелся именно между Алисой и Максом.

— Послушайте, господа и дамы, — Макс говорил легко, небрежно перекладывая бумаги. — Я вижу пять проектов.

Четыре из них — это прекрасные идеи, за которые хочется заплатить деньги. И один — это хомяк с психологическими проблемами и три иконки, которые я не могу различить без очков. Вы все понимаете, какой я предлагаю выбрать.

Алиса подняла руку. Как в школе.

— Я против, — сказала она четко, глядя прямо на Макса.

Он приподнял одну бровь. Это было смешно — он выглядел так, будто к нему подошла продавщица мороженого и начала оспаривать законы термодинамики.

— Соболева, мы вас слушаем, — произнес он медленно, с нарочитой любезностью.

— Проект «Беговые крысы» плох не потому, что там плохой дизайн. Он плох, потому что там отсутствует нарратив. — Алиса говорила быстро, её глаза горели. Она схватила лазерную указку и щелкнула по экрану, где висел тот самый несчастный хомяк. — Посмотрите на это. Хомяк бежит в колесе. О чем это говорит пользователю? О том, что он — раб системы! Что он бесконечно бежит на месте! Это депрессивный контент!

Макс усмехнулся, откинувшись на спинку стула.

— Алиса, дорогая, там рейтинг удержания пользователей — 40%. Цифры говорят сами за себя. Никому не важно, грустный там хомяк или веселый. Главное, чтобы деньги капали.

Алиса почувствовала, как кровь прилила к щекам. «Дорогая»? Это обращение обожгло её, как пощечина. Фамильярно, унижительно, по-хозяйски.

— Мои исследования показывают, — продолжила она, повысив голос до ледяного шепота, — что через три месяца пользователи ненавидят «Беговых крыс». Потому что каждый раз, когда они проигрывают, хомяк падает с колеса и издает звук, похожий на всхлип. Это вызывает негативную ассоциацию. Они уйдут в любое другое приложение, где их не будут визуальнo унижать.

В переговорной повисла тишина. Кто-то из жюри кашлянул. Макс медленно наклонился вперед, положив локти на стол. Теперь он смотрел на неё не как на зверушку. Он смотрел как хищник, почуявший добычу, которая оказалась не такой уж беззащитной.

— Хорошо, Соболева, — сказал он тихо. — Ты меня заинтриговала. Давай проверим твою теорию. Какой проект ты

предлагаешь вместо этого?

Алиса щелкнула мышкой, и на экране появился её собственный протезе — команда молодых ребят, которые сделали приложение для медитации с невероятно красивыми, плавными цветовыми переходами. Никаких животных. Только абстрактные линии, музыка и статистика сна.

— Это прекрасно, — выдохнул кто-то из жюри.

— Это дорого, — оборвал Макс. — Слишком нишево. Медитации — это для домохозяек. Мы ищем масс-маркет.

— Масс-маркет начинается с эмоции, — возразила Алиса. — Если ты дашь человеку красоту, он останется. Если дашь только конверсию — он уйдет к тому, у кого красивее.

Они смотрели друг на друга через длинный стол, как два боксера перед началом раунда. Электричество между ними было физически ощутимо. Макс первый оторвал взгляд и повернулся к главному организатору.

— У нас тупик, — констатировал он. — Я ставлю на «Крыс». Она ставит на «Медитаторов». Ничья.

Главный организатор, маленький нервный мужчина в оч-

ках, промокнул лоб платком.

— Друзья, коллеги... Мы не можем оставить все как есть. Спонсоры ждут решения.

Алиса и Макс одновременно повернулись к нему. И в этом синхронном движении было что-то пугающе слаженное.

— Деньги не делятся пополам, — жестко сказал Макс. — Если мы дадим по пять миллионов каждому — это ничто.

— Можно сделать коллаборацию, — вдруг предложила Алиса. Она сама не поняла, зачем это сказала. Слово вырвалось помимо воли.

Макс изогнул бровь снова.

— То есть ты предлагаешь нам объединить твои арт-объекты и моихдохлых крыс в одно?

— Я предлагаю, — ответила она медленно, понимая, что только что подписала себе приговор, — сделать продукт, в котором будет и красота, и конверсия. Если ты не боишься, что твои цифры утонут в моей эстетике.

Макс внезапно улыбнулся. Это была ослепительная, хищ-

ная улыбка, которая не тронула его глаз.

— О, я не боюсь, Соболева. — Он встал и протянул ей руку через стол. — Я смотрю на это как на самое рискованное вложение в моей жизни. И я обожаю риск. Идёт?

Алиса посмотрела на его раскрытую ладонь. Крупные пальцы, идеальный маникюр, дорогие часы на запястье. Она медленно, неохотно, вложила в неё свою руку. Его ладонь была горячей и сухой. Её — прохладной и чуть влажной от волнения.

— Идёт, — сказала она.

В ту секунду она ещё не знала, что этот рукопожатие станет для неё клеткой. Что через два дня, когда они останутся вдвоем в пентхаусе с одним проектом на двоих, она возненавидит этот запах его одеколona с той же силой, с которой сейчас чувствовала странное, тревожное притяжение.

Лёша рядом с ней выглядел так, будто у него случился сердечный приступ. Он схватил её за руку и прошипел в ухо:

— Ты с ума сошла? Ты сама только что предложила работать с этим... с этим...

— С этим тираном, — закончила Алиса, глядя, как Макс садится на место, поправляет галстук и подмигивает ей. Именно так — подмигивает, нагло и уверенно. — Я знаю, Лёша. Но ты же хотел выиграть? Мы выиграли. Просто теперь это будет стоить мне всех нервов.

Она открыла ноутбук и уставилась на экран. Пальцы дрожали. Вместо того чтобы править тени, она просто смотрела на пустую страницу и думала только об одном: о том, что Макс Воронов пахнет сандалом и дорогим виски, и что этот запах почему-то вьелся в её память с первого рукопожатия.

«Это просто профессиональная антипатия», — убеждала она себя. — «Я просто ненавижу его улыбку».

Она врала себе. И в глубине души она это знала.

Глава 2. Стены из стекла

День первый. 20:47

Пентхаус встретил Алису запахом свежего ремонта и пустотой.

Она стояла на пороге, сжимая в руках дорожную сумку и рюкзак с ноутбуком, и чувствовала себя так, будто её за-

швырнули в аквариум. Всё здесь было сделано из стекла: стены, перегородки, даже столешница на кухонном островке. Москва раскинулась за панорамными окнами, сверкая огнями, как новогодняя ёлка. Красиво. Холодно. И абсолютно бездушно.

— Ну и что это за архитектурный изврат? — пробормотала она себе под нос, проходя внутрь. — В таком доме даже спрятаться негде.

Она скинула кеды у входа и прошла в гостиную. Диван — белый, кожаный, огромный, как айсберг. На стене — телевизор, размером с небольшой кинотеатр. И ни одной картины. Ни одной книги. Ни единого следа человеческой жизни.

Алиса открыла первую дверь — спальня. Вторая — спальня. Третья — ванная с унитазом, который стоял посреди комнаты, отделённый от душа лишь прозрачной стеклянной перегородкой.

— О, Господи, — выдохнула она. — Тут даже в туалет ходить придётся с чувством стыда.

Она выбрала спальню слева — ту, что была чуть дальше от входа. На кровати лежала аккуратно сложенная записка: «Приветствуем в вашем новом офисе! Удачи в создании ше-

девра! С уважением, организационный комитет».

— С уважением, блин, — фыркнула Алиса, скомкала записку и кинула её в корзину для мусора. — Они бы ещё нас в одну постель поселили, чтобы веселее было.

Она начала разбирать вещи, когда входная дверь щёлкнула.

Звук был тихий, но Алиса вздрогнула, как нашкодившая кошка. Она быстро выпрямилась и вышла в коридор.

Макс стоял на пороге. С тремя чемоданами. С идеально уложенными волосами. С тем самым наглым выражением лица, которое она уже возненавидела всем сердцем.

— О, Соболева, — сказал он, оглядывая её с ног до головы. — Ты уже освоилась? Я смотрю, ты заняла левую спальню. Молодец. Я бы на твоём месте сделал то же самое.

— Почему это? — насторожилась Алиса.

— Потому что в правой спальне кондиционер долбит прямо в лицо, и оттуда слышно, как соседи сверху играют на саксофоне. Но тебе повезло — ты будешь спать как младенец, пока я буду мучиться.

Он сказал это с такой лёгкой, заразительной улыбкой, что Алиса на секунду задумалась: он что, издевается? Или просто констатирует факт? Она решила, что это первое.

— Ты мог бы занять левую спальню, если бы пришёл раньше, — парировала она, скрестив руки на груди.

— Ах, Соболева, — Макс закатил глаза и протащил свои чемоданы мимо неё. — Если бы я знал, что ты такая быстрая, я бы взял с собой реактивный ранец. Но знаешь что? Я не буду спорить. Мне нравится правое крыло. Там вид на башню «Федерация». Это вдохновляет меня на великие финансовые свершения.

Он исчез в правой спальне, и через минуту оттуда донёсся звук распаковываемого чемодана.

Алиса выдохнула. Всё не так уж плохо. Он занял своё место, она — своё. Главное — не пересекаться. Она вернулась в свою комнату, достала ноутбук и села на кровать, чтобы поработать.

Прошло пять минут.

Из коридора донеслись шаги. Громкие, уверенные, цока-

ющие по паркету, будто он ходил в ботинках, хотя она видела, что он снял обувь у входа.

Шаги остановились прямо у двери её спальни.

Алиса замерла. Дверь была открыта — она не закрыла её, потому что думала, что они разойдутся по углам и не будут мешать друг другу.

Макс стоял в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку. Он был без пиджака, в одной белой рубашке, рукава закатаны до локтей. На запястьях — те самые серебряные часы с гравировкой.

— Слушай, Соболева, — сказал он, — у нас тут техническая проблема.

— Какая? — спросила она, не поднимая головы от ноутбука.

— В моей спальне нет розетки рядом с кроватью. Только с противоположной стороны. Я не могу лежать и заряжать телефон одновременно.

Алиса медленно подняла глаза.

— И?

— И я хочу поменяться комнатами.

— Нет, — отрезала она.

— Соболева, — он сделал шаг внутрь. — Ты серьёзно? Это же вопрос комфорта.

— В моей спальне тоже нет розетки рядом с кроватью, — соврала она, даже не моргнув. — И знаешь что? Я как-то выживаю. Ты тоже выживешь.

Макс прищурился. Он смотрел на неё, и в его взгляде мелькнула искорка веселья. Ей показалось, что он читает её мысли.

— Ты врёшь, — сказал он спокойно. — Я видел. Когда я проходил мимо, я заметил, что у тебя там две розетки. И одна прямо у подушки.

— Ты заглядывал в мою комнату?! — Алиса вскочила с кровати. — Это моё личное пространство!

— Это общее пространство, Соболева, — поправил он, подняв указательный палец, как учитель. — Нас заселили

сюда как команду. Всё, что здесь есть, — общее. Включая розетки.

— Розетки не общие! — закричала она, чувствуя, как краска заливает её лицо. — Розетка в моей комнате — моя!

— Это самая абсурдная фраза, которую я слышал за последний месяц, — усмехнулся Макс. — Но знаешь что? Ладно. Оставь себе свою розетку. Я найду другой способ.

Он развернулся и ушёл. Алиса услышала, как открылась входная дверь, и поняла, что он вышел в коридор общего здания. Куда он пошёл? Сдавать её организаторам? Жаловаться на «розеточный конфликт»? Она на секунду испугалась, что он вернётся с охраной.

Но он вернулся через пять минут с удлинителем в руках. Длинным, мощным, промышленным.

— Видишь? — сказал он, проходя мимо её открытой двери и демонстративно держа в руках провод. — Я решил проблему самостоятельно. Без твоей помощи. Потому что я — взрослый мужчина, который умеет находить решения, а не ныть.

Алиса стиснула зубы. Она почувствовала, как в груди под-

нимается волна ярости, которую она пыталась сдерживать последние два часа.

— Ты специально провоцируешь меня? — спросила она, выходя в коридор и вставая напротив него.

Макс остановился. Он был выше неё на голову, и ему пришлось слегка наклониться, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Провоцирую? — переспросил он, и в его голосе появилась та самая опасная бархатистость, которую она слышала в зале. — Нет, Соболева. Я просто живу своей жизнью. А ты принимаешь всё на свой счёт. Это называется паранойя. Лечится психотерапией и долгим сном.

— Ты в мой сон тоже будешь лезть? — выпалила она, не контролируя себя.

Он улыбнулся. Широко, искренне, с ямочками на щеках. От этой улыбки у Алисы внутри что-то перевернулось. Она ненавидела эту улыбку. И одновременно не могла перестать на неё смотреть.

— Если будешь храпеть, — сказал он тихо, — я приду и закрою тебе рот подушкой. Доброй ночи, Соболева.

Он развернулся и ушёл в свою комнату, оставив её стоять в коридоре с открытым ртом. Через секунду хлопнула дверь его спальни. Потом щёлкнул замок. Она услышала, как он закрылся изнутри.

Алиса стояла в коридоре и смотрела на закрытую дверь. Сердце колотилось где-то в горле. Она не могла понять, что её злит больше: его наглость, его фамильярность или то, что она позволила ему вывести себя из равновесия за пять минут.

«Он — клоун, — подумала она, возвращаясь в свою комнату и закрывая дверь на защёлку. — Обычный напыщенный клоун в дорогом костюме. Просто не обращай на него внимания».

Она легла на кровать, укрылась пледом, хотя было тепло, и уставилась в потолок. Через стену она слышала, как он ходит по комнате, что-то перекладывает, открывает шкаф. Звуки были приглушёнными, но отчётливыми. Потом — тишина.

«Он лёг», — поняла она.

Алиса закрыла глаза. Перед её внутренним взором всё

ещё стояла его улыбка. Та самая, с ямочками. И запах сандала и виски, который, казалось, пропитал воздух во всей квартире, хотя он был здесь всего полчаса.

«Я ненавижу его, — повторила она мысленно, как мантру. — Ненавижу его. Ненавижу».

Где-то в соседней комнате Макс включил музыку — тихо, едва слышно. Какая-то джазовая композиция с саксофоном. Медленная, томная.

Алиса натянула плед до самого носа и уставилась в темноту.

«Ненавижу», — прошептала она в подушку.

Но в глубине души она знала: это чувство было слишком ярким, чтобы быть просто ненавистью. Слишком живым. Слишком горячим.

Глава 3. Утро вечера мудренее

День второй. 07:03

Алиса проснулась от того, что кто-то включил блендер.

Звук был такой, будто в соседней комнате взлетает вертолёт. Она подскочила на кровати, натянула первую попавшуюся футболку и вылетела в коридор, готовая убивать.

На кухне стоял Макс.

Он был в одних серых тренировочных штанах и белой майке, которая обтягивала его плечи так, что Алиса на секунду забыла, зачем она сюда выбежала. Его волосы были влажными — он только что принял душ. Капелька воды стекла по шее и исчезала за воротником майки.

— Доброе утро, Соболева, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты выглядишь как персонаж фильма ужасов. Хочешь смузи?

В блендере крутилась зелёная жижа, от которой пахло шпинатом и ещё чем-то неопределённо полезным.

— Ты разбудил меня, — прохрипела Алиса, щурясь от яркого света. — Я спала.

— А я нет, — весело отозвался он. — Потому что я встал в пять, сделал зарядку, пробежался по набережной и уже успел провести два звонка с партнёрами.

— И ты решил, что раз ты проснулся, то должен разбудить весь дом?

— Весь дом — это я и ты, — сказал он, наконец оборачиваясь и вручая ей стакан с зелёной жидкостью. — На, выпей. Ты злая, потому что у тебя низкий сахар. Это полезно.

Алиса посмотрела на стакан, потом на него, потом снова на стакан.

— Ты даёшь мне еду? Мы что, на пикнике?

— Не еду, а напиток. Пей. Ты нужна мне живой и работоспособной. Сегодня у нас первый день совместной работы. Мне нужны твои нейроны, а не твой скелет в пижаме.

Она хотела сказать что-то язвительное, но вдруг поняла, что он прав: она действительно чувствовала себя разбитой, а зелёный смузи выглядел странно привлекательно. Она взяла стакан, сделала глоток. Вкус был неожиданно приятным — мята, яблоко, немного имбиря.

— Неплохо, — буркнула она.

— Я знаю, — улыбнулся Макс. — Теперь иди приведи себя в порядок. Через сорок минут у нас первое совещание.

Я подготовил презентацию по стратегии развития.

— Ты подготовил презентацию? — Алиса поперхнулась смузи. — Мы должны делать это вместе!

— Ты спала, Соболева, — пожал плечами Макс. — Пока я бегал и думал, ты дрыхла и видела сны о единорогах. Кто-то должен был начать.

— Я не сплю с единорогами! — возмутилась она.

— Я знаю. Ты спишь с розетками, — засмеялся он и, не дожидаясь её реакции, ушёл в свою комнату, оставив её стоять с наполовину выпитым смузи.

Алиса посмотрела в свой стакан, потом на закрытую дверь Макса. В груди закипала привычная смесь злости и... странного любопытства. Она снова поймала себя на том, что рассматривает его спину, его плечи, его влажные волосы.

«Прекрати, — приказала она себе. — У тебя есть враг. У тебя есть цель. Ты здесь работать, а не глазеть на его бицепсы».

Она ушла в ванную и включила воду на максимум, чтобы смыть с себя остатки сна и все глупые мысли.

Через час они сидели за обеденным столом, который выполнял функцию переговорной. Макс разложил свои бумаги — всё было распечатано, аккуратно подшито, с цветными диаграммами и маркерами.

Алиса пришла с одним ноутбуком и чашкой чёрного кофе.

— Итак, — начал Макс, щёлкая по экрану планшета. — Я проанализировал оба проекта. Твои «Медитаторы» — красиво, но нет монетизации. Мои «Крысы» — есть прибыль, но говённый UX. Нам нужно создать гибрид.

— Я знаю, — кивнула Алиса. — Я уже набросала концепт.

Она повернула к нему ноутбук. На экране была схема: красивые абстрактные линии, плавные переходы между экранами, но в центре — новый элемент. Анимированное колесо, но не с хомяком, а с абстрактной светящейся сферой, которая вращалась в такт дыханию пользователя.

— Убираем животное, — объяснила она. — Оно вызывает отторжение. Вместо него — геометрическая фигура, которая реагирует на пульс. Это и красиво, и даёт обратную связь. Пользователь видит себя, а не животное.

Макс нахмурился. Он смотрел на экран, но Алиса видела, что он не понимает. Он видел просто круглые линии.

— Это пусто, — сказал он. — Где статистика? Где кнопка «Поделиться»? Где реферальная ссылка?

— Это на втором экране, — терпеливо объяснила Алиса, переключая слайд. — Статистика будет появляться после первой тренировки. А кнопка «Поделиться» — только после достижения первого результата. Иначе пользователь не будет ничего постить, потому что ему нечем гордиться.

— Нелогично, — отрезал Макс. — Если мы не дадим кнопку сразу, мы потеряем органический трафик. Ты вообще понимаешь, как работают социальные сети?

— Я понимаю, как работает человеческий стыд, — жёстко парировала Алиса. — Если ты предлагаешь человеку поделиться чем-то, когда у него ноль достижений, он почувствует себя неудачником и удалит приложение. Я тебе уже говорила про негативные ассоциации!

— Ты живёшь в иллюзорном мире, Соболева, — Макс откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. — Ты думаешь, что люди хотят красоты. А они хотят... — он сделал

паузу, — статуса. Денег. Признания. Кнопка «Поделиться» — это возможность сказать «смотрите, я крутой». И ты хочешь убрать эту возможность.

— Я хочу убрать фальшивую возможность, — упрямо возразила она. — Если ты дашь человеку кнопку, но ему нечем поделиться, он разочаруется. Если ты дашь ему кнопку только тогда, когда у него есть результат, он будет счастлив и вернётся снова.

— Это психология, — фыркнул Макс.

— Это дизайн, — ответила она. — Дизайн — это и есть психология, только нарисованная.

Они смотрели друг на друга. Тишина стала звенящей. Макс встал из-за стола и подошёл к кухонному островку, чтобы налить себе кофе. Алиса почувствовала, как напряжение нарастает.

— Знаешь что? — сказал он, не оборачиваясь. — Мне кажется, ты просто боишься, что я прав. Ты боишься, что твоя «красота» не работает без денег.

— Я не боюсь, — сказала она, сжимая кружку с кофе. — Я знаю, что работаю. Мои приложения — в топе по удержанию

пользователей.

— В топе? — он обернулся, и в его глазах мелькнул опасный блеск. — У тебя два приложения. Одно — для вегетарианцев, второе — для тех, кто вяжет крючком. Это нишевые рынки. Их купили, потому что они красивые, а не потому что они прибыльные.

— Значит, по-твоему, красота не имеет ценности? — спросила она, вставая.

— Имеет, — усмехнулся он. — Как десерт. Ты ешь основное блюдо — деньги, а на десерт — красота. Но если ты подашь один десерт без еды, ты умрёшь с голоду.

Алиса почувствовала, как внутри неё закипает та самая белая ярость. Она уже не контролировала себя. Она сделала шаг вперёд, размахивая руками, чтобы доказать свою правоту.

— Ты не понимаешь! Дизайн — это не десерт! Это часть основного блюда! Без него еда невкусная, и люди уходят к тому, у кого красивее!

— Алиса, прекрати размахивать, — сказал Макс спокойно, но она уже не слышала.

Она сделала резкий жест рукой, чтобы подчеркнуть свои слова, и в этот момент её пальцы задели край чашки с горячим кофе, которая стояла на краю стола.

Чашка покачнулась.

Макс успел выставить руку вперёд, пытаясь спасти ноутбук, но было поздно. Чёрная горячая жидкость пролилась прямо на клавиатуру. Ноутбук зашипел, экран моргнул и погас.

— Твою мать! — вырвалось у Алисы.

Она в панике схватила полотенце, но Макс уже отодвинул ноутбук в сторону и смотрел на мокрую клавиатуру с выражением полного оцепенения.

— Ты... — начал он, и в голосе зазвенел холод, от которого Алиса мгновенно покрылась мурашками. — Ты залила мой ноутбук?

— Я не специально! — выкрикнула она. — Ты меня спровоцировал!

— Я спровоцировал?! — он рассмеялся, но смех был

злым, рваным. — Я спровоцировал тебя залить мой рабочий компьютер, на котором была вся стратегия на следующие три месяца?!

— Это не вся стратегия! — попыталась защищаться она.
— Ты же говорил, что у тебя всё в облаке!

— Да, в облаке! — он повысил голос, и теперь в нём не было ни капли игры, только голая, живая ярость. — Но загрузка 50 гигабайт по нашему интернету займёт семь часов! Семь часов, Алиса! А через четыре у нас встреча с инвесторами!

Она замерла. Гнев в его голосе был настолько реальным, что она на секунду забыла, как дышать.

— Я... — начала она, но он перебил.

— Всё, — сказал он резко. — Хватит.

Он взял мокрый ноутбук, завернул его в полотенце и вышел из кухни, громко хлопнув дверью своей спальни.

Алиса осталась одна посреди общей гостиной. Кофе тёк по столу, капая на пол. Бумаги, которые он так аккуратно разложил, были разбросаны в хаотичном порядке.

Она опустила на стул и закрыла лицо руками.

«Гениально, Соболева, — подумала она. — Ты только что уничтожила его стратегию и подписала себе смертный приговор. Через четыре часа встреча, а у нас нет презентации».

Она открыла глаза и посмотрела на свою кружку, которая осталась целой. Чёрную, с надписью «Мой любимый шрифт — Comic Sans». Она любила эту кружку за иронию. Макс посмотрел на неё сегодня утром и сказал: «Боже, какой же ты сноб». И она почувствовала странную гордость.

Теперь её кружка стояла на столе, а его ноутбук был мёртв.

«Надо что-то делать, — подумала она. — Надо извиниться. Или... не извиняться. Это его вина. Он меня довёл».

Она встала и подошла к двери его спальни. Постучала. Сначала тихо, потом громче.

— Макс, — сказала она. — Открой.

— Убирайся, — донёсся глухой голос.

— Мы можем решить это по-человечески.

— Алиса, я сказал: убирайся, — голос был спокойным, но в нём была сталь. — Мне нужно спасти твою задницу, пока ты не придумала, как залить мне телефон.

Она прислонилась лбом к двери и закрыла глаза.

— Я принесу тебе новый ноутбук, — сказала она тихо. — Сегодня. Я знаю магазин.

— Ты не знаешь, что мне нужно, — ответил он. — Ты вообще ничего обо мне не знаешь.

— Тогда расскажи, — попросила она.

В ответ — тишина. Потом шаги, и она поняла, что он отошёл от двери.

Алиса постояла ещё немного, чувствуя себя идиоткой. Потом вернулась на кухню, вытерла кофе, собрала бумаги, которые он разбросал, и села за стол, глядя в одну точку.

Она ненавидела его. И одновременно не могла перестать думать о том, что в его голосе, когда он кричал, было что-то... живое. Не маска, не игра. Настоящая боль.

«Что у него внутри? — спросила она себя. — Почему он так реагирует на потерю контроля?»

Она взяла свой ноутбук и открыла пустой документ. В голове уже рождался план. Она не умела извиняться словами. Но она умела делать вещи.

К встрече через четыре часа у них будет презентация. Красивая, убедительная, с её дизайном и его цифрами. Даже если ей придётся вспомнить всё, что он говорил вчера, и переделать его стратегию так, чтобы она выглядела гениальной.

Она села работать.

Через час в коридоре послышались шаги. Макс вышел из своей спальни, уже одетый в деловой костюм. Его лицо было бесстрастным.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он, глядя на неё с порога.

— Что делаю? — не поднимая головы, спросила Алиса.

— Спасая ситуацию, — сказал он. — Ты могла бы просто сказать, что я псих и уйти.

— Я не умею уходить, — ответила она, наконец поднимая взгляд. — И не умею проигрывать. Иди сюда, посмотри, что у меня получилось.

Макс медленно подошёл к столу и сел рядом, глядя на её ноутбук. На экране была презентация. Она взяла его идеи, его стратегию, но нарисовала всё так, что это выглядело гениально. Цифры были красивыми. Графики — живыми.

— Это... — он замолчал, не зная, что сказать.

— Я знаю, — ответила она, и впервые за всё утро её голос был мягким. — Я всё исправлю. Давай просто поработаем вместе. Нормально. Без войн.

Макс повернулся к ней. Их лица были на расстоянии двадцати сантиметров. Алиса видела, как его глаза потемнели, как на скулах заиграли желваки.

— Я не умею без войн, — сказал он тихо. — Но ради такого дизайна я готов попробовать.

Алиса почувствовала, как её сердце пропустило удар. Не от страха. От того, как он на неё смотрел.

Она быстро отвела взгляд и уставилась в экран.

— Тогда работаем, — сказала она. — К четырём часам у нас будет бомба. Только попрошу: не трогай мой кофе.

Он усмехнулся. Впервые за утро — не насмешливо, а почти дружелюбно.

— Договорились.

И они сели работать. В тишине. Но в этой тишине было что-то новое — воздух, в котором уже не пахло войной. А чем-то гораздо более опасным.

Глава 4. Точка невозврата

День второй. 15:47

Они сделали это за три часа.

Алиса сидела за ноутбуком, Макс стоял у неё за спиной, диктуя цифры, а она превращала их в визуальные истории. Каждый слайд был произведением искусства: графики, которые танцевали, диаграммы, которые дышали, иконки, которые хотелось трогать пальцами.

— Сделай третий квартал ярче, — говорил он, наклоняясь к экрану.

— Он и так яркий, — отмахивалась она. — Ты просто не видишь оттенки.

— Я вижу деньги, Соболева. Это мой основной цвет.

Она фыркнула, но поменяла оттенок с тёмно-зелёного на изумрудный. Макс одобрительно хмыкнул.

В какой-то момент он положил руку на спинку её стула, и Алиса почувствовала тепло его ладони в сантиметре от своей шеи. Она замерла на секунду, но он ничего не заметил — он смотрел на экран.

Они закончили за двадцать минут до встречи. Алиса сохранила файл, откинулась на спинку стула и посмотрела на него.

— Всё.

— Всё? — переспросил Макс, наклоняясь ближе. — Проверь ещё раз.

— Проверила.

— Ещё раз.

— Макс, — она повернулась к нему, и их лица оказались слишком близко. — Я сказала: всё. Доверься мне.

Он моргнул. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое — удивление, смешанное с чем-то тёплым.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Доверяю.

Это слово повисло между ними. Доверяю. Алиса поняла, что он не говорил его никому, кроме неё, за последние годы.

Они поехали на встречу в одном такси. Всю дорогу молчали. Алиса смотрела в окно на проплывающие дома, Макс — в телефон, но она чувствовала его взгляд на своём отражении в стекле. Он смотрел на неё, когда думал, что она не видит.

Встреча проходила в высоком стеклянном здании на «Москва-Сити». Инвесторы — трое мужчин в серых костюмах — сидели за длинным столом и смотрели на них с вежливым скепсисом.

— Итак, — начал главный, лысый мужчина с золотыми за-

понками. — Макс, мы знаем вас как человека, который умеет делать деньги. Алиса, мы слышали о вашем таланте. Но у нас вопрос: как вы собираетесь работать вместе? Вы же как кошка с собакой.

Макс усмехнулся и повернулся к Алисе.

— Хочешь ответить?

Она взяла пульт от проектора, встала и посмотрела на инвесторов.

— Мы — хищники, — сказала она спокойно. — Просто у нас разные стратегии охоты. Я создаю красоту, он — механизмы. Вместе мы неуязвимы.

Она нажала на кнопку. На экране загорелась презентация.

Следующие сорок минут были магией. Алиса говорила о дизайне, о человеческих эмоциях, о том, почему люди остаются в приложении. Макс вставлял цифры, факты, расчёты, показывал, как их продукт будет приносить прибыль уже через полгода. Они перебивали друг друга, но это звучало как живой диалог, как танец.

Инвесторы смотрели, раскрыв рты.

— Это... — сказал лысый мужчина, когда они закончили.

— Это лучшая презентация, которую я видел за последние пять лет.

— А вы говорили, у вас конфликт, — усмехнулся второй инвестор, покачивая головой. — Да вы друг друга на уровне телепатии понимаете!

Макс и Алиса переглянулись. В его глазах она увидела ту же мысль, что билась у неё в голове: «Мы и правда хороши вместе. Господи, как же это страшно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.